

ПОЛЬСКИЙ КАНДИДАТ НА МОСКОВСКИЙ ПРЕСТОЛ НА ИСХОДЕ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ: ПРИЧИНЫ ЕГО ВЫДВИЖЕНИЯ И ПРОВАЛА

Чернов Сергей Владимирович
старший преподаватель кафедры «Гуманитарные
дисциплины» Белорусско-Российского Университета
(г. Могилев, Беларусь)

Статья посвящена вопросу об избрании на вакантный московский престол на исходе Смутного времени иностранного кандидата – польского принца, предлагается авторская точка зрения на причины, по которым эта кандидатура была в итоге отвергнута большинством русских избирателей.

Самым актуальным вопросом периода междуцарствия – времени между свержением царя Василия Шуйского и избранием на престол Михаила Романова – по понятным причинам стали поиски достойной кандидатуры на опустевший трон. Еще до свержения Шуйского такой кандидатурой многим боярам казался королевич Владислав.

Его кандидатура привлекала избирателей по нескольким причинам. Помимо того, что он иноземец, королевского рода (а такой вариант был более приемлем, чем избрание царя из своего же, боярского круга, как Годунова, который, быв боярином, властвовал, как царь, а став царем, почему-то превратился в глазах его прежних собратьев просто в зарвавшегося боярина), и вследствие этого был лишен боярских предрассудков, по рангу стоял выше бояр и мог сплотить вокруг себя разрозненные боярские группы; конкретно избрание Владислава давало надежду на примирение с его отцом, который уже начал активные боевые действия против России; кроме того, польский кандидат был славянской крови, т.е. ближе к русскому народу, чем, скажем, швед или австриец, к тому же в самом деле состоял, пусть в весьма отдаленном, но родстве с Рюриковичами через Ягеллонов. Единственным, хоть и весьма серьезным, препятствием к избранию Владислава было то же, что в свое время стало непреодолимой преградой на пути к польско-литовскому трону для Ивана Грозного и Федора Ивановича – вероисповедание кандидата. Так же, как в свое время польские католики, так теперь и московские православные поставили необходимым условием избрания Владислава принятие им православия.

Но эти тонкости известны. Следует попробовать ответить на вопрос о том, почему Владислав не стал реальным главой Русского государства.

Обычно на первый план и авторы Смутного времени, и позднейшие историки выдвигают поведение его отца. Он, как известно, сначала заупрямился в вопросе о вере, потом сюда же добавилось его нежелание согласно требованиям московской стороны отпустить сына в Москву немедленно, потом он стал плести интриги с целью получить московский престол для

себя в обход сына. Кроме того, он никак не хотел, опять-таки согласно с требованиями москвитян, отступить от Смоленска, желая во что бы то ни стало приобрести этот город. Эти и другие действия короля привели к тому, что москвичи отказались признавать Владислава своим царем.

Польская сторона в свою очередь строила свою систему обоснований прав Владислава на московский престол главным образом на факте присяги ему населения и правительства Московского государства. Но договор был заключен, пусть не королем, но его вполне законным представителем (гетманом Жолкевским), который дал клятву, что договор будет исполнен. Если король не хотел ратифицировать этот договор, будучи не согласен с какими-либо его пунктами, то он должен был сообщить о своих претензиях московской стороне, которая была вольна принять либо не принять его поправки. В случае отказа короля от ратификации договор автоматически считался утратившим силу.

Рассмотрим эти моменты подробнее. Итак, вера. Имели ли право москвичи требовать от Владислава перемены веры? Несомненно, на это вопрос следует ответить утвердительно, хотя бы сославшись на опыт королевских выборов в Польше второй половины XVI века – там проблема веры стоила московским царям избрания на польский трон. Как польские избиратели в то время, так и московские сейчас – и те, и другие, как представители самостоятельного государства, имели полное право выдвигать условия, в т.ч. и такое. Присяга Владиславу в Москве опять же проводилась на этих условиях. И раз король не исполнил хотя бы одно из них, то московская сторона имела все основания считать договор недействительным. Так и случилось.

Далее – проблема прибытия Владислава в Москву. Опять-таки можно вспомнить как исторический прецедент выборы в Речи Посполитой – там также как важное условие ставилась возможность скорейшего прибытия вновь избранного короля в Польшу [3, с. 217]. Здесь же ситуация была несколько иной, но не в пользу промедления – московский кандидат (сам царь) в случае избрания, помимо того, что он становился польским королем, по-прежнему оставался бы русским царем, и должен был делить время пребывания на две части – в России и в Речи Посполитой; Владислав же получал только один трон, и поэтому вполне естественно ожидать его переезда в Москву на постоянное место жительства, по крайней мере, пока он не приобретет еще какого-нибудь трона. Король же не пожелал «доверить москвитам особу своего сына» [2, с. 137]. Но если он боялся за судьбу сына в Москве, то в таком случае было бы логично отказаться от попыток добыть ему московский престол, и предоставить России возможность найти другого, более смелого кандидата. Положение короля было, таким образом, двойственным – с одной стороны, он не желал исполнять условия договора, с другой – не желал отказываться от прав на московский престол. Но так долго продолжаться не могло. Итог известен.

Следующая проблема – поиски королем возможности самому принять московский трон. Это в договоре не было указано ни под каким видом, т.е. здесь король явно превышал свои права. Теоретически он мог требовать себе регентства при своем несовершеннолетнем сыне, но в любом случае договором это не было предусмотрено, а вносить новые пункты в договор – это было право обеих сторон, и если одна, в данном случае московская, отказывалась от внесения поправок в договор, то это было ее право, и вторая сторона – польская – должна была с этим смириться.

Что касается попыток взятия Смоленска, то это также было явным нарушением королем условий договора. Дополнительные комментарии здесь, по-моему, излишни.

Со стороны Москвы также были некоторые проблемы в исполнении договора. Например, известно, что гетман Жолкевский дал согласие на помощь Москве против Самозванца при условии, что она признает царем Владислава [3, с. 565]. Обещание было дано, и Жолкевский отогнал Самозванца от Москвы. Т.е. последующее непризнание Владислава царем выглядит как нарушение Москвой своего обещания. Но здесь следует принять во внимание, что договор, заключенный с самим Жолкевским, Москва все же выполняла, и очень возможно, что он был бы исполнен до конца, если бы король не внес свои поправки, сделавших невозможным дальнейшее исполнение

договора. Т.е. вина за нарушение московской стороной данного Жолкевскому обещания опять же ложится на короля.

Таким образом, договор о принятии королевича Владислава на московский трон, заключенный польской стороной в лице гетмана Жолкевского и московской стороной в лице Боярской думы, не был исполнен польским королем. Это и стало причиной того, что Владислав в итоге был лишен прав на московский престол в одностороннем порядке.

Русские авторы, описывая дальнейшее развитие событий, нередко подчеркивают роль Земли, земства в счастливом завершении Великой Смуты [1, с. 268-270]. В самом деле, кто может претендовать на славу очистителя Московского царства от интервентов? Правительство – Боярская дума – в это время почти единогласно поддерживало кандидатуру польского королевича, бояре даже оказались в осаде вместе с королевским гарнизоном, когда Москву обложили ополченцы. В Москве оставался один влиятельный человек, который, поняв нежелание короля выполнять условия договора, стал последовательным противником польского кандидата – это был патриарх Гермоген. Он напутствовал посольство митрополита Филарета под Смоленск, он же отказался поставить свою подпись под сочиненным пропольски настроенной группой бояр письмом королю, в котором Москва объявлялась отдающей во всем на волю королевскую, он же призвал народ к выступлению против польских интервентов, следствием чего стало формирование ополчений, и наотрез отказался отменить свой призыв, за что поляки и их сторонники-бояре осудили его на смерть [3, с. 608, 615]. Патриарх, как известно, всегда был, по сути, первым лицом в государстве после монарха, так было после смерти царя Федора Ивановича, когда фактически лидером государства до избрания Годунова стал патриарх Иов, так было и сейчас, когда царя уже не было, а нареченное боярское правительство изменило государственным интересам России. Можно сказать, что во многом благодаря твердости патриарха Гермогена Русское государство сохранило свою независимость.

Прочие кандидатуры – русские – были выдвинуты уже после изгнания поляков из Москвы. Избран был, как известно, Михаил Романов. С его избранием история иноземных кандидатов на московский престол не завершилась – в частности, королевич Владислав попытался реализовать свои права силовым путем, но безуспешно. На том этапе Россия предпочла иностранным кандидатурам русскую, и хранила верность своему выбору более трехсот лет.

Список использованной литературы

1. Аксаков, К.С. Полное собрание сочинений. Т. 1 / К. С. Аксаков. – М.: Унив. тип., 1889.
2. Горсей, Д. Записки о России. XVI – начало XVII в. / Д. Горсей. – М.: Изд. МГУ, 1990.
3. Соловьев, С. М. История России с древнейших времен. Кн. IV / С. М. Соловьев. – М.: Мысль, 1989.